

Время собирать камни

Олег ТОРЧИНСКИЙ

В галерее «Дом Нащокина» (Воротниковский пер., 12) до середины сентября работает выставка академика живописи Натальи Нестеровой «Большой пасьянс». Все сорок с лишним работ, включенных в экспозицию, созданы специально для выставки.

Первые картины Нестеровой в начале 70-х (как давно это было!) вызывали оторопь и веселое недоумение. Уж больно необычны были ее неуклюжие персонажи, вылепленные из жирных напластований красок. Особенно забавляли всех «фирменные» нестеровские носы, буквально торчавшие из полотен. Так или иначе, картины эти были отчетливо узнаваемы и постепенно зритель начал сам их искать: «Чего там еще эта Нестерова учудила?». А если зритель интересуется художником, пусть даже с иронией, значит, художник победил. Так и произошло с творчеством Натальи Нестеровой, очень и очень непростым при внешней-то его простоте.

Начать хотя бы с формы, схожей с «примитивной». Помните знаменитых самоучек - Руссо, Пиромани, бабушку Мозес, Генералича? Но Нестерова не самоучка, а воспитанница знаменитой «Суриковки», ученица таких мастеров, как А. Грицай и Д. Жилинский. Ее манера - вполне осознанный профессиональный прием, выбранный, чтобы сподручнее выразить свои раздумья о том, «кто мы, откуда мы, куда идем».

Художественный язык Нестеровой - неторопливый, тяжеловесный, нарочито упрощенный показал свою значительность в циклах

на библейские темы. Она сумела вернуть первозданную мощь и суровую простоту образам древней Книги, за века изрядно засахаренным поколениями художников, начиная с маньеристов. Апостолы у нее - корявые, грубые, бесхитростные люди с неуклюжими ручищами и всклокоченными бородами, не очень, наверное, и понимающие проповедь Учителя, - рыбаки, пастухи, мытари. Да и сам Иисус - обычный проповедник в мятом хитоне, каких немало бродило по дорогам Иудеи... Библейские циклы - пока высшая точка творчества Нестеровой. Не дико ли, что на всероссийской выставке «Имени Твоему...» к 2000-летию христианства этих картин не было?

Что касается остального творчества Натальи Нестеровой, то ее картины, хранящиеся сегодня во многих музеях мира, подчеркнуто бессюжетны. Люди гуляют по улицам, сидят в парках и у моря, играют в карты и мяч, едят и пьют.

Место действия неопределимо - от Москвы до Сочи, от Сан-Франциско до Венеции. И менее всего это жанровые картины, что-то в них неладно. Перед нами какой-то особый мир, «параллельный», что ли, похожий на наш, но другой. Уныло-спокойно, оцепеневший. Ровная гладь моря, жестяная зелень деревьев, засыпанные струи фонтанов. И множество людей, куда-то идущих, но не двигающихся, полностью отъединенных друг от друга. Вечный унылый покой без права на помыслы, как результат нашей тупой, эгоистической, выродившейся технотронной цивилизации.

С годами художница все строже суди-

ла своих героев. В самом начале они имели лица, пусть некрасивые. Потом стали превращаться в жуткие свои подобию - то ли гипсовые статуи, то ли белые призраки. Затем лица начали исчезать - герои отворачивались от нас, видны были лишь куски щек и кончики носов. Пошли полотна, где вместо лиц были мертвые белые маски. И наконец появились картины, где люди были лишь прорезами в и без того пустом пространстве - человекообразные силуэты, сквозь которые просвечивает голубое небо. Такой вот Апокалипсис - без адских мук и скрежета зубного... Разбрасывание камней до конца.

Новая выставка дает основания для осторожного оптимизма. Значительную часть ее составляют картины, где вновь действуют прежние носатые персонажи, милые люди, одетые в старомодные курортные бурнусы начала века и дурацкие матроски. И делают они простые и понятные вещи: лезут на лестницы, катаются на велосипедах, каруселях и качелях, играют в бадминтон, купаются, едят и пьют, выпускают на свободу птиц. Еще немного, и они начнут общаться друг с другом, прорвав оцепенение и тотальную свою отчужденность. Значит, пришло время собирать камни?

Что касается «карточной серии», интригующей всех своими странными человекообразными существами, закованными в панцири из игральных карт, но все-таки уже не прорехи, то кажется, это просто шутка художницы, стремление заинтриговать публику и критику, чтобы было о чем гадать и спорить. А может быть, отвлечь от чего-то важного, сокровенного, что не каждому надо знать. Вроде приспособления на промышленных выставках, выдуманного, кажется, англичанами. Называется «for fools» - «для дураков». На дорогостоящий станок приделывается фальшивая, ярко раскрашенная ручка. Дернет ее любопытный зритель - раздастся громкое шипение, свист, лязганье. Все довольны, а станок цел...

На снимках: «Танец», 2001; «Лето», 2000.

